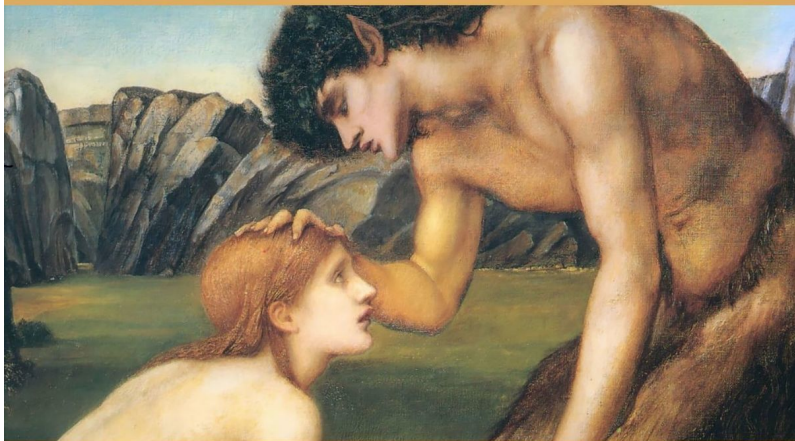

Сергей Милютин

ПАН

Варианты постапокалипсиса
Фантастические повести и рассказы

Сергей Милютин
Пан. Варианты
постапокалипсиса.
Фантастические
повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24154174
ISBN 9785448523427

Аннотация

Фантастические повести и рассказы с различными вариантами постапокалиптического мира. Человечество может погибнуть по разным причинам. И посмертное существование у него может быть разное...

Содержание

Пан, или присоединиться к большинству	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	64
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

**Пан
Варианты
постапокалипсиса.
Фантастические
повести и рассказы**

Сергей Милютин

© Сергей Милютин, 2019

ISBN 978-5-4485-2342-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пан, или присоединиться к большинству

Глава 1

Зайцев сидел на камне. Как адресат посланий в Откровении валун не был ни горяч, ни холоден. Прогретый за день камень прятался за пригорком от солнца, уходящего на запад. Та же насыпь отделяла Зайцева от Космического городка. Очень удобное место. За спиной, невидимый и невидящий Зайцева, оставался уныло-чистенький поселок с выстроившимися в линейку одинаковыми коттеджами, административным корпусом и столовой. И дальше вглубь острова – ангары и корпуса с лабораториями, гидробассейнами, тренажерными модулями, учебными классами и макетами кораблей в натуральную величину.

Зайцев смотрел на песчаный пляж и спокойное море за ним. Внезапно слева из-за поросшего травой песчаного бугра появились два лохматых полуголых або. Они молча бежали, утопая босыми ногами в песке и размахивая руками. Один абориген сильно хромал. На его правой ноге рельефно красовался длинный сине-красный зигзагообразный шрам. За первыми двоими, не торопясь, из-за того же хол-

мика вышел третий абориген. Он медленно шел деревянной походкой пина в их сторону. Беглецы запрыгнули в лодку и начали отчаянно грести от берега. Пин остановился перед линией прибоя на берегу, уставившись им вслед. Неожиданно оба аборигена один за другим попадали на дно лодки. Ноги хромого оказались на скамье и Зайцев видел, как их бьют судороги. Постепенно конвульсии стали тише и реже и вовсе прекратились. Пару минут лодка спокойно качалась на волнах. Потом хромой абориген поднялся, взял весло и спокойно погреб к берегу. Через некоторое время второй стал делать то же самое. Они доплыли до места, где все это время ждал пин, и молча вытащили лодку на берег. Пару мгновений все трое стояли, не глядя друг на друга. Затем, не сговариваясь, деревянными шагами, сохраняя на лицах характерное бесстрастное выражение, строем ушли обратно за холм.

Зайцев выдохнул. Перед ним опять простирался берег и спокойное море. Будто только что на его глазах не произошло этой странной пантомимы под аккомпанемент прибоя.

– Что Вы там высматриваете, Зайцев? – веселый голос бортинженера Стивенса вывел Виктора из оцепенения, – Ждете русские подлодки? Сигнальный огонь не разводили?

– Никакой России больше нет, Энтони, и Вы это прекрасно знаете, – не оборачиваясь, ответил Зайцев.

Волны бились о берег. От моря пахло солью и водорослями.

– Вы же поняли, что я имел в виду, – добродушно посе-

товал Стивенс, – И, вообще-то, технически Россия никуда не делась. Девятая часть суши – на месте. А по ней продолжает бродить сто двадцать миллионов угрюмых бородатых людей.

– Сто двадцать миллионов – возможно, но вот людей ли? – заметил Зайцев.

– Ну вот, опять Вы за свое, – бортинженер натужно улыбнулся, – Если будете все время об этом думать, просто не доживете до отлета.

– А есть другие достойные темы? – Зайцев обернулся к Энтони, – Хотите обсудить со мной новинки рок-музыки? Фильмы, вышедшие в этом году?

Улыбка, наконец, сползла с лица Стивенса.

– Умеете же Вы испортить настроение, Зайцев, – и добавил, – Пойдемте. Всю команду вызывает Глобски.

Начальник ЦПА лысый зануда Глобски обвел присутствующих суровым взглядом из-под насупленных бровей.

– Господа, вынужден сообщить вам неприятную новость. Джош Сайрус покончил с собой.

Зайцев и Дьюи переглянулись. Мейбл тоненько вскрикнула. Стивенс досадливо покачал головой.

– Как это случилось? – уточнил Зайцев.

– А для Вас важен способ? – язвительно осведомился Глобски.

Продолжил, не дожидаясь ответа.

– Лег в ванну и опустил туда два провода под напряжением. Тело выглядит ужасно. Как огромный плохо приготовленный кусок мяса. Местами пережаренный, местами сырой.

– Стоит ли приводить такие подробности? – осторожно усомнился Стивенс, – Все-таки, здесь женщины.

– Да, – рявкнул Глобски, – Обязательно! Чтобы никто не строил иллюзий о красивом уходе, прекрасных похоронах с салютом и прочем. Своим безответственным поступком Сайрус отбросил проект на месяцы. Нам теперь срочно нужно искать ему на замену специалиста-психолога его уровня. Сами понимаете, как это сложно в нынешних обстоятельствах.

– В принципе, коллега, – раздался голос Дьюи, – я могу его заменить.

Все обернулись. Проф, как обычно сидел позади всех, прислонившись спиной к задней стенке. Глобски в недоумении посмотрел на него.

– Но как, Эдвард? Вы же сами – будущий член экипажа. Собираетесь исследовать самого себя?

Дьюи в своей манере улыбнулся одними краями губ.

– Почему нет? Со всей аппаратурой я знаком, с методиками тестирования – тоже. Могу приступить прямо сейчас.

– Погодите, – запротестовал Глобски, – это нарушение общепринятых правил, сложный вопрос, его нельзя решать вот так – с бухты-барухты. Надо подумать, посоветоваться.

Сидящий рядом с ним пин кивнул. Глобски вздрогнул

и немедленно тоже кивнул.

– Хорошо, так тому и быть, – резюмировал Глобски, – Профессор, приступайте к работе прямо сейчас. Время не ждет.

– А похороны? – еле слышно донесся слабый голосок Мейбл.

Глобски поднял голову.

– Что? А, да... Здесь похорон не будет. Тело отвезут на Большой остров.

Зайцев догнал Дьюи у выхода из бунгало.

– Эдвард, Вы не знаете, что произошло?

Дьюи поднял голову. Хотя профессор смотрел снизу вверх, никакого превосходства Зайцев не чувствовал. Всякий раз, встречаясь с Дьюи глазами, Зайцеву хотелось вскочить из-за парты и отбарабанить домашнее задание.

– Почему Сайрус свел счеты с жизнью? – уточнил Дьюи, – Не знаю, коллега.

Он помолчал.

– Но предположить могу. Фредерика мне рассказала, что вечером уже после захода солнца Сайрус о чем-то очень возбужденно говорил с пином. Потом махнул рукой и зашел в свой коттедж. И больше живым не выходил.

– Вы думаете, его хотели присоединить? Да нет, пины об этом не предупреждают.

– А Вы видели все присоединения? – усомнился Дьюи.

Зайцев не нашелся, что ответить.

По правде говоря, он видел инсайтов не так много, как большинство островитян. По крайней мере, меньше Дьюи, который два месяца после Большого Хапка безвылазно находился в Нью-Йорке и насмотрелся достаточно. На третий день, когда телевидение отрубилось, а в Интернете началась какая-то чертовщина, проф заметил, что на соседней автозаправке уже двое суток никого нет, и ограбил ее, сделав дома хороший запас продуктов и бензина. Обеспечив себя на первое время, Дьюи несколько недель катался по городу и с любопытством глядел на происходящее.

Профессор рассказывал про полуголых людей, пляшущих на улицах между остовами сгоревших автомобилей. Про покойников, которых с тротуаров собирали большими ковшами мусороуборочные машины. Про бессмысленные убийства у него на глазах. Про многолюдные просмотры фильмов Вуди Аллена на больших экранах посреди площади. Про мужчину, стрелявшего из окна третьего этажа по прохожим. Про бездомного в лохмотьях, пьющего вино около дорогого ресторана, и нагую женщину с формами стриптизерши, играющую для него на скрипке.

Довольно подробно Дьюи рассказывал про гигантскую оргию на Манхэттен-Бич, в ходе которой тысячи любовников разных комплекций, рас и спортивной формы одновременно предавались разным формам сексуального удовлетворения. В то время как в нескольких десятках метров от берега один за другим падали с носящихся бананов и молча тонули люди.

И опять про трупы, тут же у линии прибоя колыхающиеся на набегающих волнах.

При этом, однако, все эти апокалиптические картины он описывал без особых отрицательных эмоций, как что-то очень необычное, из ряда вон выходящее, но не ужасное на самом деле. Примерно так, наверно, он мог бы кому-нибудь пересказывать сюжеты с полотен Босха.

Иногда в процессе повествования он улыбался и поднимал указательный палец. Это означало, что в рассказанном содержится какая-то интересная аллюзия или метафора, до которой слушатель должен сам додуматься и тоже порадоваться.

– Она ехала на мотороллере абсолютно голая, но в фуражке инспектора налоговой службы. Больше никаких налогов! Понимаете меня? – Дьюи откидывал голову и радостно хохотал.

Зайцев как-то спросил, как он не боялся бродить среди всего этого кошмара. На что Дьюи ответил, что думал примерно так: во-первых, все это страшно интересно, а, во-вторых, чего уж теперь бояться.

«Мне жаль, Виктор, что Вы все это пропустили, – заметил тогда профессор, – Мне кажется, Вам бы понравилось.» Зайцев как-то рассказал об этом Сайрусу, добавив, что немного завидует таким как Дьюи или Мейбл, переживших Большой Хапок в одном из его эпицентров. Сайрус странно взглянул на него и сказал, что далеко не всякий опыт полезен для

человека.

– Вы, кажется, взволнованы смертью Сайруса?

Зайцев оторвался от своих мыслей. Ему в лицо откуда-то из-за спины заглядывал Шмидт, штатный психолог команды астронавтов и техперсонала.

– Хотите поговорить об этом?

– Нет, спасибо, – отрезал Зайцев.

– Зря Вы меня не посещаете, мистер Зайцев, – посетовал Шмидт, – Психологическая реабилитация необходима всем. Особенно новоприбывшим, вроде Вас. Вот мистер Стивенс ходит ко мне с самого начала и у него отличная динамика.

– Да я как-то обхожусь. Своими силами.

– Крепкий алкоголь астронавтам запрещен, – строго заметил Шмидт.

– Я знаю, доктор, спасибо, что напомнили.

Шмидт еще немного прошел рядом с Зайцевым, как конвоир, будто ожидая чего-то, и повернул куда-то в сторону.

– Вот болван, – сказал Зайцев. Он вспомнил, как во время второго тестирования по прибытии на остров Шмидт смертельно достал его, задавая по кругу одни и те же вопросы из психометодички. Зайцев уже не надеялся на прекращение этого бреда, когда Шмидт спросил, верит ли он, что в космосе есть братья по разуму. «У нас – нет, – ответил Зайцев, – А вот у Пана – наверняка». Шмидт поперхнулся и поспешно закончил сеанс.

– Да, Джереми не семи пядей во лбу, – согласился Дьюи, –

Но Вы и вправду чем-то озабочены. Так жалеете Сайруса? Вы с ним знакомы-то всего пару месяцев. Как, впрочем, и со всеми нами.

– Кажется, я видел, как двоих або только что присоединили, – сказал Зайцев.

– Кажется? Вы не уверены? – не понял профессор. Присиял и хлопнул себя по лбу.

– Ах да, я забыл, Вы же у нас Рип Ван Винкль!

РЕТРОСПЕКТИВА

Рипом ван Винклем Дьюи назвал Виктора из-за того, что тот пропустил первые – самые интересные – недели Большого Хапка. Прогулял он их по уважительной причине: Зайцев три с половиной месяца проболтался на орбитальной космической станции.

Еще лет пятнадцать назад Витя Зайцев и не догадывался, куда может привести степень по физике в сочетании с лицензией пилота. Ко времени его взросления космонавтика уже потеряла прежний сказочный ореол, перестав быть мечтой мальчишек. Наука в России утратила романтический флер еще раньше. Виктор выбрал профессию физика-исследователя, потому что этот предмет лучше всего шел у него в школе. Пилотированием занялся в бесплатной секции резерва ВВС в качестве мужественного хобби, щекочущего нервы и производящего впечатление на девушек. В бортинженерную группу компании по разработке двигателей для косми-

ческих кораблей попал, когда там платили безобразно мало. Пошел туда просто, чтобы где-то начать. А вот в международный проект прорвался из-за большой зарплаты, когда задолбался клянчить деньги у отца. И все время ждал, когда же, наконец, окружающие поймут, что он вовсе не энтузиаст, как все остальные вокруг, и выведут за ушко на солнышко. Страх разоблачения заставлял его упорно учиться и трудиться за троих.

– А еще родители наградили меня отменным здоровьем, – объяснял он Дьюи и Стивенсу, – Я только позаботился, чтобы доставшийся мне качественный механизм оставался в приличной форме и не слишком быстро изнашивался.

Так однажды неожиданно для самого себя пилотом в международном космическом экипаже оказался человек, абсолютно равнодушный к космосу.

Зайцев собирался честно отбарабанить срок пребывания на станции и вернуться на Землю – за бабками, славой и почестями. Но на МКС случилась авария, из-за которой, в частности, грохнулась система длительного хранения продовольствия. В Хьюстоне и Москве срочно переиграли, и почти вся команда покинула станцию раньше срока, а Виктора оставили на станции с Кристофером Льюисом. Эти двое имели несчастье обладать компетенциями, необходимыми для поддержания станции в рабочем состоянии с минимальным числом астронавтов на борту. Разумеется, Зайцева спросили, хочет ли он полетать лишние полторы недели. Но форма

вопроса другого ответа не оставляла.

А потом случился Большой Хапок, и о космонавте Зайцеве с астронавтом Льюисом, болтающихся на орбите в жестянке из-под монпансье, просто забыли. На Земле стало не до них.

Глава 2

На следующий день Зайцев в соответствии с расписанием пошел к доку Робуру. Док работал в группе медико-биологической подготовки – отвечал за тренировки и тестирование астронавтов на центрифуге, в барокамере, термокамере, сурдокамере и за вестибулярный тренинг. При тестах на перегрузку Робур всегда присутствовал лично. Разговаривал очень скупно и на все вопросы не по делу реагировал мрачным молчанием. Произношение Робуром его фамилии напоминало Зайцеву змеиное шипение

Зайцев быстро сообразил, как обратить эту проблему в выгоду для себя, и все время подготовки к тренировке отдыхал душой, болтая без умолку. По непроизвольной мимике Робура он видел, что, несмотря на презрительное молчание, док его слушает. Идеальный собеседник.

Сегодня Зайцев говорил о Джоше Сайрусе.

Самоубийство Сайруса и в самом деле вызвало у Зайцева сильную досаду. Сайрус радовал его острым умом и смелостью высказываний. Казалось, он, вообще ничего не боится. Кроме экипажа Джош оказался единственным, с кем Зайцев мог нормально поговорить на внерабочие темы.

Пока неловкий ассистент готовил Зайцева к тренировке, Зайцев пересказывал Робуру последний разговор с Джошуа. Сайрус тогда заметил, что испытывает некоторую жалость

к Пану за его одиночество.

– Мы все для него – примерно как пробегающие мимо муравьи для мыслящего муравейника. Он в состоянии с нами играть, использовать в своих целях, даже вступать в какую-то коммуникацию. Но общаться как с равными не может, даже если бы очень захотел.

– Разве это проблема? – усомнился Зайцев, – Пусть сделает себе второго Пана. Строительного материала достаточно.

– Это кажется правильным решением, – кивнул Джош, – Но наш парень – тяжелый параноик. Он боится, что другой Пан его съест. Судит по себе, и это логично.

– Думаете?

Сайрус еще раз кивнул.

– Говорю, как мозговед с тридцатилетним стажем...

– Не понимаю, почему он покончил с собой, – продолжал Зайцев вещать каменному Робуру, – Судя по всему, Пан представлял для него с профессиональной точки зрения интереснейший объект исследования.

– Сайрус узнал, – неожиданно сказал Робур, почти не раскрывая сжатые губы, – что большинством из двух сотен пассажиров «Большого Эдема» будут дети. От семи до двенадцати лет. На момент вылета, разумеется.

Зайцев уставился на дока как на Валаамову ослицу.

– Кстати, – Виктор хлопнул себя по лбу характерным жестом Дьюи, – Логичное же решение! А я все ломал голову, как Пан собирается решить проблему прибытия на Эдем по-

лувековых дядек и теток. Как ни крути, а получить от стариканов, да еще проболтавшихся в консервной банке двадцать лет, здоровое потомство – проблематично.

– Ну да, – Робур кивнул с саркастической улыбкой, – Это решение и до известных событий предлагали. Но тогда оно даже до минимальной огласки не дошло. В НАСА только представили, как они огребут от защитников прав детей. А нынче – как славно! – никаких правозащитников нет. И родители сами счастливы отправить детишек подальше отсюда. Если они, вообще, есть – родители.

– И из-за этого Сайрус застрелился?

Без ответа.

– Ну-ну, Робур, – Зайцев покачал головой, – Уже оскорбились, заговорили со мной. Чего теперь-то мучиться?

– Самое ужасное, Зайсс, – вздохнул Робур, – что Вы даже не понимаете, почему Вы мне так омерзительны.

РЕТРОСПЕКТИВА

Накануне Большого Хапка проект «Эдем» являл собой грандиозный памятник человеческому разуму, упорству и трагическому неумению договариваться, обнуляющему все достижения. В циклопических ангарах стояли уже достроенные корабли – авангардный с дублирующим и основной на две сотни пионеров-колонистов, выглядящие как мать-китиха с двумя тысячетонными малышами. Их окружала гулкая тишина.

Открытие Эдема – планеты с земными параметрами, кислородно-углекисло-азотной атмосферой и подходящим для людей температурным диапазоном – так близко от Земли стало грандиозным событием не только и даже не столько научного мира. Сама мысль о том, что современные технологические средства позволяют достичь за вполне осмысленные двадцать лет новой Америки с теми же масштабами и возможностями, взрывала мозг всему человечеству.

Быстро стало понятно, что Эдем – слишком большой приз, чтобы отдать его кому-то одному. Крайне трудно такой кусок проглотить в одиночку, но гораздо проще помешать это сделать другому.

Поначалу все шло более-менее гладко.

Политики, дипломаты, технари и юристы извели миллионы человеко-часов только на юридическое оформление проекта – чтобы опутать всех участников международного консорциума паутиной взаимных гарантий.

Привлеченная консорциумом команда политтехнологов умело разожгла в странах-участниках патриотический психоз. Парламенты под истерические вопли «знай наших!» деловито выделяли огромные средства на реализацию собственных частей проекта.

Транснациональные корпорации, вдруг вспоминающие о своей кондовой почвенности, насмерть воевали между собой за многомиллиардные и крайне престижные госзаказы.

«Эдем» пёр как гигантский джаггернаут, подминая под се-

бя все и вся, и по ходу раздавая побочное счастье в виде новых материалов, открытий и технических решений, в условиях принципиальной открытости проекта быстро находящих применение в других областях.

Когда проект реализовался процентов на девяносто, непредвиденно затянувшееся обострение вокруг Тайваня привело к замораживанию научных и технологических контактов между участниками конфликта. Замерз и «Эдем». Оснащение уже построенных кораблей застопорилось. Подготовку уже сформированных команд сначала приостановили, потом их вовсе распустили до лучших времен.

Попытки американцев полностью забрать «Эдем» себе наткнулись на огромное количество юридических и технических неувязок. И на обещание Китая при попытке запуска «Эдема-1» или «Эдема-2» устроить небольшой космический фейерверк.

Зайцев, как близкий к теме человек, осведомленный о происходящем лучше других, уже сам для себя поставил на проекте крест.

Но тут случился Большой Хапок.

А через два года Зайцева просто поставили перед фактом, что он включен в шестерку экипажа авангардного корабля. «Твою мать» – сказал осчастливленный космонавт Зайцев.

Весь день после тренировки у Робура Зайцев чувствовал себя совершенно разбитым, и с трудом дождался позднего

обеда.

Выйдя из столовой, он кивнул разлегшимся в шезлонгах господам астронавтам, взял насыщенную кислородом фруктовую смесь с соломинкой, и с наслаждением устроился на своем привычном месте.

Мимо веранды прошла босая аборигенка лет шестнадцати, изящно неся на голове коробку со сканером. Мордашка девушки как у остальных аборигенов, смахивала на кусок морщинистой коры, но ноги выглядели стройными и гладкими, а полные груди под коротким топом ритмично подрагивали при каждом шаге.

– Интересно, как аборигены относятся к Большому Хапку? – рассеянно проговорил Зайцев, провожая ее взглядом.

– А как они могут относиться, Виктор? – Стивенс отреагировал коротким смешком, – Або до сих пор живут в каменном веке. Вы думаете, они, вообще, что-нибудь поняли?

– Або стали усиленно молиться Джи, – сказал Дьюи, – Так зовут некоего Убитого бога, который по их верованиям однажды явится, чтобы всех наказать. После Большого Хапка они решили, что Убитый вернулся. Пинов считают воплощениями Джи в телах, которые он конфисковал у сильно провинившихся. Происходящее принимают как должное, только немного недовольны, что Убитый почему-то заставил их служить белым. Ведь это белые его и убили.

Дьюи сделал паузу.

– Некоторое время назад один абориген изнасиловал девушку,

тоже аборигенку. Да вы ее сейчас видели. Это по их понятиям серьезный проступок. Раньше они бы его сдали властям. А тут связали, отнесли на холм и обратились к Джи, чтобы тот вошел в него.

– Как Вы ухитряетесь все знать! – восхитился Зайцев, – Або, кажется, не сильно разговорчивы.

– Это мне не або рассказали, а доктор Кэссиди, – уточнил Дьюи, – Он молится Джи вместе с ними.

– Кэссиди, климатист? – изумился Зайцев, – Но зачем?

– Он и еще несколько человек из техперсонала, – Дьюи печально улыбнулся, – Видимо, они так получают иллюзию хоть какого-то контроля над ситуацией.

– А чем кончилось дело с насильником? – поинтересовался Стивенс.

– А это его тело теперь сидит рядом с Глобски на планерках. Довольно забавно видеть, как Глобски косится на него с опаской, – Дьюи поднял палец, улыбнувшись, – Эта плоть принадлежала Гильермо, моему помощнику по дому. Аккуратный парень. Жаль, как выяснилось, сексуально не выдержанный.

Зайцев задумался, каково это, видеть пина в теле, которое ты раньше знал как человека. Его чаша сия пока миновала. Ни на острове, ни до этого он не видел ни одного лица, знакомого до Хапка.

Об этом и о многом другом Зайцев с Дьюи рассказывали друг другу день за днем, лежа в шезлонгах на веранде

после позднего обеда. Режим подготовки экипажа оказался на удивление щадящим. Несмотря на достаточно строгое расписание с раннего утра до окончания тренировок, после 17 часов пополудни астронавты могли заниматься, чем им заблагорассудится. Запрещался только алкоголь крепче светлого пива, чрезмерные физические нагрузки и поздний отбой. В остальном каждый предоставлялся самому себе.

Послеобеденные посиделки на веранде столовой стали своеобразной традицией. Зайцев и Дьюи потягивали безалкогольные напитки, смотрели на море и беседовали о пустяках и предметах более серьезных. Иногда к их разговорам присоединялся Стивенс. В отличие от бесед с Дьюи такие встречи втроем Зайцев не очень любил, но понимал, что выбирать особенно не из чего. Кроме членов экипажа на острове жил обслуживающий контингент из местных аборигенов, темный, не образованный и зачастую просто плохо говорящий по-английски. А также научно-технический персонал, будущих астронавтов сторонящийся и недолюбливающий.

Через неделю после прибытия Зайцев спросил Дьюи о причине такого отношения к ним спецов.

– Ну а что тут непонятного? – хмыкнул по своему обыкновению Дьюи, – Мы улетим, а они останутся. С Паном.

Зайцеву это объяснение показалось логичным.

– Я давно не видел столько интактов, – заметил он, кстати, – и так мало пинов. Почему так?

– Вам нравится общаться с пинами? – усмехнулся

Дьюи, —

Зайцев испуганно поднял руки.

– Нет!

– Вот в этом и дело. Я видел результаты исследований. Жизнь в окружении пинов вызывает у интактов апатию, депрессию и суицидальные поползновения. Потому Центр и перенесли сюда, на остров – подальше от крупных городов. И с нами держат здесь интактов – и спецов, и або.

Зайцев хмыкнул:

– Что-то я не заметил, что Пан особо деликатен.

Дьюи поднял палец.

– Это термин из прошедших времен. Этика нужна, когда участники коммуникации могут причинить друг другу ущерб. Но тот, кто несоизмеримо сильнее остальных, в этике не нуждается. Пан прагматичен. Ему нужен авангардный экипаж из здоровых, психически устойчивых особей.

РЕТРОСПЕКТИВА

О том, что на Земле происходит что-то не то, Зайцев и Кит Льюис узнали, когда замолчал Центр управления полетами. Попытки связаться с Хьюстоном по всем каналам, включая аварийный, ни к чему не привели. Тогда Зайцев попытался поймать радио- и телесигналы с Земли. Телевидение не работало, крупные радиостанции – тоже. Зайцев перенастроился на радиолобительские волны. И вот тут астронавты поняли, что дело вовсе не в связи.

Проблема оказалась, однако, в том, что кроме самого факта всепланетной катастрофы из передач понять что-либо было невозможно. До них доносились то вопли о помощи, то невразумительные описания происходящего, то чьи-то сбивчивые попытки объяснить случившееся, еще больше запутывающие дело.

Кто-то кричал о зомби-апокалипсисе, кто-то – о нашествии вампиров. Кто-то о захвате Земли инопланетянами. Кто-то – якобы наиболее здравомыслящий – дрожащим голосом стонал о применении красными – русскими, или китайцами, или даже северо-корейцами против свободного мира нового неизвестного оружия, действующего непосредственно на мозги и сводящего людей с ума.

Зайцев и Льюис непрерывно пытались связаться хоть с кем-то. До них доходили обрывочные данные об упавших самолетах и сошедших с рельсов поездах, об автомобильных авариях с десятками разбитых машин и сотнями трупов. О промышленных катастрофах по всему миру. О тысячах погибших. Никто, до кого им случайно удалось дотянуться, не мог сообщить астронавтам ничего утешительного. Старшеклассник-радиолобитель из Франции рассказывал об ужасах за окном и рыдая просил помочь. Диджей из Архангельска, видимо, тронулся умом, постоянно хихикал, и в ответ на вопросы включал записи рок-звезд 60-х, предваряя очередной шедевр возгласами типа: «А ведь он предупреждал! Он знал, проклятый наркоман! Вот по-

слушайте, мужики...» Бортинженер с нефтяной платформы около Шотландии терпеливо объяснял, что никто им не поможет, и они должны достойно принять смерть от удущья в консервной банки, болтающейся в тысячах миль над поверхностью Земли. Религиозный фанатик из Оклахомы призывал покаяться в грехах, ибо наступил День Гнева Господнего. И только престарелый хиппи откуда-то из Непала, древний, как египетские пирамиды, хваставший личным знакомством с Тимоти Лири, вещал, что это не только смерть мира, как мы его знали, но и начало нового, чистого, лишённого грехов, накопленных прежним.

На этом месте рассказа Зайцева полтора месяца назад Дьюи хмыкнул и сказал:

– А ведь, согласитесь, этот парень оказался ближе всего к истине. Вы не спрашивали, как его зовут?

Зайцев улыбнулся:

– Он сказал: «Поскольку старые имена уже потеряли смысл, зовите меня просто – Луч Света Новой Зари, Загорающейся На Востоке.»

– Забавно, – вкрадчиво произнес Дьюи, дождавшись, когда Зайцев поднесет чашку с горячим чаем к губам, – Скажите, Виктор, а Вы задумывались впоследствии, не разговаривал ли с Вами под видом одного из Ваших собеседников Пан? Или под видом всех?

Зайцев спокойно допил чай и поставил чашку на стол:

– Конечно, приходило, профессор. Мне это и сейчас вре-

менами приходит в голову. Ну вот, например, как Вы можете быть уверены, что я – не пин?

Пин – сокращение от Пиноккио. Так с легкой руки Дьюи члены экипажа называли между собой тела, представляющие на острове Пана. Ну, и вообще, тела, присоединенные Паном. В поведении пинов на острове – особенно в пластике движений и мимике – и впрямь проступало нечто деревянное. Сам Зайцев, еще до знакомства с островитянами, для себя назвал пинов буратинами. Впрочем, как Зайцев помнил, среди тех пинов, с которыми он встречался до прибытия на остров, случались и выглядящие совсем как обычные люди. Разве что подчеркнуто молчаливые и не очень вежливые.

Зайцеву нравилось сочетание – пин-Пан. Совокупность пинов – Пан. Дьюи возражал: Пан – не совокупность пинов, он – больше, а по сути – вообще, другое. Обсуждение, что же такое Пан, занимало существенную часть их разговоров.

Определение, с оговорками устраивавшее всех троих, сводилось к следующему.

Пан – сетевой разум, распределенный среди восьми миллиардов жестко контролируемых им людских мозгов, соединенных между собой напрямую, а также с помощью всемирной компьютерной сети. Пан использует знания и опыт людей, присоединенных к нему, а также сенсорные и иные способности человеческих тел, применяемых как периферийные устройства, при этом обладая одной волей и одной лич-

ностью. Распространение Пана на весь мир и превращение его в то сверхсущество, каким он стал, участники послеобеденных посиделок также согласно относили к периоду в несколько месяцев двухлетней давности. Это время получило название Большой Хапок.

Стивенс и Зайцев принимали на веру версию Дьюи о земном, человеческом и рукотворном происхождении Пана, среди прочих не содержащую серьезных противоречий.

Споры вызывала природа личности и воли Пана, устройство интерфейсов, соединяющих мозги между собой, технические вопросы его функционирования как единого мыслящего существа, а также механизм захвата прото-Паном, изначально включавшим в себя очень небольшое количество бывших индивидов, разумов и тел всего человечества за малым исключением.

Слово «Пан» Зайцев услышал тоже только на острове. Его он также полагал удачным. В нем сочеталась приставка «пан», означавшая всеобщность, всеохватность, и имя греческого Пана – уродца, ставшего богом. Зайцев порадовал коллег сообщением, что в некоторых славянских языках «пан» значит «господин».

Хотя тут авторство никто точно припомнить не мог, Зайцев уверенно назвал Дьюи.

– Отнюдь, коллега, – отклонил эту честь профессор, – Ваше предположение лестно, но по моим смутным воспоминаниям эта честь принадлежит Вашему предшественнику.

У Зайцева тогда неприятно кольнуло внизу живота. Он не любил напоминания о предшественнике. Оно в него вселяло легкую неуверенность в его собственной участи. Впрочем, на Дьюи он не сердился. Без профа Зайцеву на острове было бы нечем себя занять в свободное время. Островная сеть замыкалась сама на себя, не имея выхода куда-либо еще. В сетевой базе хранилась прорва фильмов и всевозможной художественной и познавательной литературы. Но почему-то Зайцеву стало совершенно неинтересно читать и смотреть о проблемах и жизненных перипетиях жителей мира, который безвозвратно исчез.

Глава 3

Стивенс лениво смотрел с веранды столовой на медленно остывающую от дневного солнца площадь перед администрацией.

– Все же как-то тут слишком функционально. Безжизненно. Неужели нельзя вокруг коттеджей какие-нибудь садики разбить? Со цветами какими-нибудь?

Зайцева чуть не стошнило.

– Нет, вот только цветочков не надо.

– Вы – мизантроп, Виктор, – шутливо подколот его Стивенс, – ненормально не любить цветы.

Зайцев пожал плечами.

– Может быть. Только тогда уж не мизантроп, а энтофоб, Энтони, – Зайцев помолчал, наслаждаясь недоумением Стивенса, – Это по-гречески значит не любитель растений. У всех нас есть свои страхи. Вот Вы, например, насколько я понимаю, не испытываете любви к большим лодкам.

Стивенс покосился на Зайцева и хохотнул.

– Хотел бы я посмотреть, как бы Вы к ним относились на моем месте.

Бортинженер во время Большого Хамка плавал на яхте с друзьями. Сначала он наблюдал, как спутники один за другим превращались в пинов. Потом, когда яхта уже возвращалась в порт, что-то произошло, и пины впали в прострацию.

Один выпал за борт и немедленно пошел ко дну. Двое других сидели на палубе и не реагировали на вопросы. Только хлопали глазами и издавали нечленораздельные звуки. Один порывался встать, но спотыкался и падал. Второй взмахивал руками и дрыгал ногами. Стивенс на всякий случай затащил обоих в каюту. Так продолжалось пару часов. Оба за это время обделались. Потом сознание вернулось к ним без видимой причины.

Эту историю Стивенс рассказывал весело, как смешное приключение. Но, в отличие от искренней заинтересованности Дьюи его веселье отдавало натужностью. У Зайцева каждый раз при виде смеющегося бортинженера появлялось опасливая мысль, что здоровяк вот-вот лопнет от внутреннего напряжения.

На вопросы о происходившем с ним с момента прихода яхты в Окленд и до попадания на остров Стивенс предпочитал отшучиваться. Зайцев пару раз спросил, но заметил, как у похохатывающего Энтони оба раза начинала мелко дрожать левая рука, и оставил попытки.

– Не знаю, Энтони, – ответил Зайцев, – Не мне судить. Просто, по-моему, за последние два года с кучей народа случились гораздо более грустные вещи, чем Ваше двухчасовое плавание в одиночестве. Странно заработать такую фобию во время Конца света.

– А что Вы называете Концом света? – бортинженер приподнялся в шезлонге, и повернулся к Зайцеву, – Разве ин-

сайт – смерть? Просто сознание человека вливается в единое сознание сверхличности Пана. Люди тысячелетиями только об этом и мечтали. вспомните богословские теории о посмертном слиянии души с Богом.

– А Вы полагаете, Пан – и есть Бог? – поинтересовался Дьюи.

– А, может, и так! – запальчиво воскликнул Стивенс, – И, все эти религии спасения, на самом деле, прозревали будущее. Может быть, то, что мы наблюдаем, Второе пришествие?

Дьюи крикнул и поспешно присосался к бутылке.

– А вот эти горы трупов, и многотысячные оргии на пляже – это, вероятно, сопутствующий Второму пришествию Апокалипсис? – уточнил Зайцев, – И небезынтересно заметить, что перед Христом еще должен прийти Антихрист.

– Ну, это только если исходить из христианского мифа, – бортинженер махнул рукой, – А вот, скажем, в одном из изводов буддизма в конце времен явится будда Майтрейя – безо всяких сомнительных предшественников.

Зайцев кивнул.

– Который всех убьет. Помню, читал.

Дьюи отрицательно покрутил поднятым пальцем.

– Немного не так, коллега. Который отправит всех еще не достигших просветления в нирвану.

– Вот! – подхватил Стивенс, – Вот видите! Вы говорите «смерть», а я говорю – новый мир, новая жизнь, новые воз-

возможности. И – бессмертие.

– Простите, бортинженер, – вкрадчиво обратился к нему Зайцев, – А почему же Вы тогда этому счастью предпочли такое опасное и некомфортное дело, как безвозвратный космический полет? То есть, Вы вот это бессмертие, этот новый мир и эти новые возможности, с такой радостью меняете на участь узника, обреченного сначала двадцать лет болтаться в консервной банке, летящей в пустоте, а потом до конца своих дней – в чуть более просторном куполе на чужой безжизненной планете? И заметьте – все это в самом лучшем случае. А на самом деле, вероятность участников экспедиции дожить до глубокой старости крайне мала. Если не сказать покрепче. А Вы от этой перспективы прямо светитесь, сколько я Вас здесь вижу. Так почему же? Объясните!

Стивенс выпятил живот и нижнюю челюсть.

– Да потому, что я – ученый, я – сознательный гражданин и член общества, для которого общественный интерес и тяга к познанию важнее собственного комфорта и безопасности.

Зайцев поморщился.

– Сознательный кто? Гражданин чего? Когда Вы в последний раз участвовали в выборах? Когда, вообще, за последнее время кто-то спрашивал Ваше мнение о чем-либо, включая Вашу собственную судьбу?

– Послушайте, Зайцев, ну это уже всякие границы переходит, – возмутился Стивенс, – Отдавайте все же себе отчет, по чьей милости Вы находитесь в этом райском уголке, за-

нимаются своим любимым делом, и до сих пор наслаждаются милой Вашему сердцу отдельной от всего мира индивидуальностью. Вы не думали, что Пан может и рассердиться? Или Вы надеетесь, у него нет других кандидатур на Ваше место? Или Вы думаете, что умнее коллективного разума миллиардов людей, в том числе таких, которые еще в своей индивидуальной жизни добились несоизмеримо большего, чем Вы? Откуда у Вас такое бесстрашное самомнение?

Дьюи с нарочитой улыбкой всплеснул руками.

– Коллеги, коллеги, успокойтесь! Виктор, ну Вы тоже не перегибайте палку. Все-таки, нам всем вместе еще лететь в одном корабле. Если мы здесь не можем найти общий язык, что же будет в космосе?

Зайцев пожал плечами.

– Приношу извинения, Энтони.

Стивенс насупился, встал.

– Принято. До завтра, профессор. До завтра, tovarishsh Zaytsev.

Бортинженер вышел.

Дьюи повернулся к Зайцеву.

– Виктор, ну зачем Вы его дразните? Конечно, Энтони – не подарок. Но он – прекрасный бортинженер. И в проекте «Эдем» почти с самого начала – дольше, чем любой из нас.

– Я все понимаю, проф, – слегка виновато пробормотал Зайцев, – Но это восторженное прославление Пана сильно отдает криками «Да здравствует Сталин!» перед расстрелом

в подвалах Лубянки.

– А бывало и такое? – недоверчиво уточнил Дьюи.

От удивления профессор даже подался вперед, приняв крайне неудобное положение в шезлонге.

– Клевещут, – Зайцев развел руками.

Дьюи пожал плечами, откинулся на спинку.

– Ну, собственно, Вы сами все и объяснили. Вот увидите, – заверил он Зайцева, – вся эта восторженность выветрится из Энтони, как только корабль удалится от Земли на достаточное расстояние.

Зайцев встал из недовольно заскрипевшего шезлонга.

– Хотелось бы верить, проф. Извините, вынужден Вас оставить.

– Что так? – удивился Дьюи, – Ложиться спать еще рано.

– У меня встреча с Жанной. Пригласила в гости.

Дьюи приподнял бровь.

– Не выроните монокль, проф, – предупредил Зайцев.

– Спасибо за заботу, – сердечно поблагодарил Дьюи, – постараюсь.

Кроме Зайцева, Стивенса и Дьюи в экипаж «Эдема-1» входили еще три девушки. В отличие от мужчин Зайцев про себя называл их по именам – Мейбл, Фредерика и Жанна. Все же одной из них суждено стать ему если не женой, то любовницей.

Американки Мейбл и Фредерика сильно отличались

и внешне, и по характеру. Широкобедрая и грудастая Мейбл походила на раненую белую птицу. Испуганно хлопала ресницами как крылышками и глядела вокруг с отчаянным выражением выпавшего из гнезда птенчика, просящего то ли о пощаде, то ли о защите. Все это при двух докторских степенях – по агрономии и космобиологии. На групповых тренингах, когда по ротации приходил черед играть роль капитана, она единственная из всего экипажа регулярно проваливала управление командой. Впрочем, в качестве подчиненного Мейбл оказывалась почти идеальной – при условии точной постановки задачи.

Химик и астрофизик Фредерика, напротив, отличалась несколько чрезмерно – на вкус Зайцева – спортивной фигурой. Она ничем не хлопала, при разговоре смотрела прямо в глаза. В ее подтянутости виделось больше от военного лагеря, чем от дамского фитнес-центра.

К третьей, Жанне, Зайцев сейчас как раз направлялся. Стивенс как-то окрестил ее инженером-строителем. Зайцеву это определение казалось не очень точным. В Жанне причудливо сочетались французский шарм – или то, что Зайцев за него принимал – с быстрым и точным умом. И Зайцев опять не мог понять – отточенный ли это опытом разум профессионала или природная женская сообразительность. К посиделкам на веранде Жанна относилась подчеркнуто пренебрежительно, как к пустой болтовне.

Зайцев шел к коттеджу Жанны впервые и привычно счи-

тал шаги незнакомого маршрута. Досчитав до двухсот сорока пяти, он поднялся по ступенькам, постучал, услышал приглашение, открыл дверь. И лицом к лицу столкнулся с молодым аборигеном. Або смерил его пронзительным взглядом и молча посторонился. В глубине гостиной Зайцев увидел возлежащую на кушетке Жанну в чем-то легком со сбившейся на предплечье бретелькой. Перед кушеткой стояли низкий стульчик и небольшой столик с фруктами и бутылкой местного тонизирующего напитка. Зайцев почувствовал, как его увлекает флейта крысолова.

Уже дойдя до кушетки, Зайцев обернулся на скрип двери и остолбенел. На исчезающей в проеме голой ноге аборигена красовался неповторимый зигзагообразный шрам.

– А что у Вас делал пин, Жанна? – брякнул Зайцев без предисловий.

Жанна, приоткрыв от удивления рот, непонимающе уставилась на него. Зайцев указал пальцем на дверь.

– Я видел, как его присоединили.

Жанна перевела дух.

– В лодке, на вечерней заре? – уточнила Жанна.

Зайцев кивнул. Жанна облегченно рассмеялась.

– Расслабьтесь, Виктор. Это новый ритуал инициации у аборигенов. Имитируется инсайт молодого воина. Лауро его как раз вчера проходил.

– Зачем?

– Юный або, с одной стороны, как бы впускает в себя муд-

рость и силу Жи, – терпеливо объяснила Жанна, – с другой, спасает себя от настоящего инсайта. Ведь присоединиться можно только один раз.

– Он смотрел как пин, – сказал Зайцев.

– Молодые або подражают взгляду и движениям пинов.

Жанна улыбнулась чему-то своему.

– Лауро – не пин. Он просто глупый мальчик.

Жанна скорчила сердитую гримаску и повела голым плечом – нет, в данном случае, обнаженным плечиком. Хотя климат на острове, в принципе, не располагал к пышным одеяниям, раздетость Жанны определенно содержала недвусмысленное послание.

Девушка пальчиком придвинула в сторону Зайцева высокий бокал с чем-то подозрительно ярким.

– Попробуйте, казак, это местный тонизирующий напиток. Безалкогольный, если Вас это волнует.

Зайцев взял бокал и осторожно отхлебнул. В голове немедленно заплясали чертики. Жанна манерно вздохнула.

– Вы одичали в своем одиночестве, Виктор. Устроили мне допрос с порога. Чуть ли не сцену. Но я Вам прощаю на первый раз. За это удовлетворите мое любопытство. Хочу узнать о Вас побольше.

Зайцев осторожно присел на стульчик.

– Я готов.

– Для начала – что у Вас за фамилия? Она ведь не русская, больше на немецкую похожа?

– Да нет, почему, вполне русская, – Зайцев пожал плечами.

– И что это означает по-русски?

– В некотором смысле... – Зайцев замешкался, – сын зайца.

Жанна хихикнула.

– Зайчонок? Звучит совсем не героически.

Зайцев рассмеялся и чуть не свалился со стула.

– По-моему, стульчик для Вас маловат, – как бы мимоходом сказала Жанна и показала на кушетку рядом с собой, – Садитесь сюда.

«Хм» – подумал Зайцев.

– Как Вас так угораздило – с фамилией?

– В русском языке слово «заяц» еще означает безбилетник, – объяснил Зайцев, – По семейной легенде, моего пращура мальчишкой обнаружили спрятавшимся в трюме парусного корабля в открытом море. Отлупили, дали форму не по росту и взяли в юнги. Поскольку фамилию малец то ли не знал, то ли не захотел называть, чтобы не отослали домой, окрестили Зайцевым. Оттуда наш род и пошел.

– Ага, – протянула Жанна, – То есть, Вы – потомственный путешественник?

Зайцев развел руками.

– Плыву, куда течение принесет. Или ветер.

– Ну, не прибедняйтесь, Виктор. Профессор о Вас высокого мнения.

– Неужели? – шутливо удивился Зайцев.

– Да, – Жанна согласно тряхнула головой, и вьющийся локон очень красиво упал ей на щеку, – Эдвард находит в Вас скепсис, независимость, смелость и умение стойко переносить несчастья ближних.

– Даже так? А разве это достоинство?

Взгляд Жанны посерьезнел.

– За прошедшие два года я видела достаточно мужчин, бледнеющих от вида чужой крови. От них крайне мало толку в настоящем деле. И видела законченных ублюдков, на скорую руку сооружающих из трупов бруствер. И спасающих оставшихся в живых.

– А чем Вы занимались эти два года?

– Прокладывала кабеля и строила ретрансляционные вышки в труднопроходимых местах. Разумеется, не одна. Этим занимаются большие мобильные отряды. Я входила в один из них.

– Для ретрансляции чего? – не понял Зайцев.

– Для ретрансляции Пана, Виктор, – холодно ответила Жанна.

Повисла пауза. Жанна вздохнула.

– Владения Пана заканчиваются там, где нет устойчивых мощных каналов связи. Таких мест на земле много. Арктика, Сибирь, Амазония, Сахара. Пан сейчас энергично ликвидирует белые пятна, отправляя туда бригады интактов. Я работала в Сахеле и в джунглях центральной Африки. В обоих

местах местное население реагировало враждебно. Сначала бедуины в Сахеле, потом масаи в Африке уничтожали оборудование и убивали рабочих. Несколько раз я оказывалась в центре настоящей битвы.

Зайцеву представилось это величественное зрелище. тысячи новых конкистадоров, бредущие напролом через джунгли и тайгу, вступающие в схватки со свирепыми туземцами, по колена в болоте и по пояс в снегу строящие установки, которые однажды раздавят их сознание и сожрут мозги.

«Пора», – подумал Зайцев.

– Представляю, как Вам тяжело пришлось... – Зайцев придвинулся к Жанне, почти нависнув над ней.

Жанна вздохнула и отодвинулась.

– Тяжело? Да. И интересней, чем вся предыдущая жизнь.

Женщина встала, встряхнула волосами перед зеркалом. Он поднялся за ней, приобнял ее. Жанна убрала его руку. Зайцев почувствовал, что это уже не кокетство.

– Вы не оправдали моих надежд, Виктор. Я думала, развеюсь с Вами, отвлекусь от мрачных мыслей. А Вы только заставили меня вспомнить то, чего я вспоминать не хотела. Уходите.

Обескураженный Зайцев вышел и сел на скамейку около склада. Из-за коттеджа мадемуазель Флавины сгорбившись вышел и побрел куда-то вдаль хромой псевдопин Лауро. «Эге, – подумал Зайцев, – Не один я сегодня в обломе. Интересно, вчерашний спектакль как-то связан с вожде-

нием дикаря к белой госпоже? Парень пытался хотя бы символически преобразиться в того, кто имеет над Жанной абсолютную власть. Бедняга.»

– Белый господин, Вы – астронавт? – слышался писклявый голосок. Зайцев чуть не подскочил от неожиданности. Вгляделся в темноту.

У стенки склада на корточках, по-школьному сложив руки на коленках, сидела давешняя юная аборигенка, морщинистой мордочкой и широким приплюснутым носом напоминающая грустную маленькую собачку. Свисающие по сторонам головы жесткие черные волосы походили на два болтающихся уха. Зато ноги псогловицы выглядели красивыми и гладкими.

– Да, милая, я – астронавт, – ответил Зайцев.

– Возьми меня с собой на звезду.

Зайцев подавился вдохом. Что это – тоска молоденькой девочки по большому интересному миру? «А кому сегодня плакать в городе Тарусе? Есть, кому сегодня плакать – девочке Марусе». Или общий для всех интактов ужас перед присоединением?

– Извини, девочка, я не могу тебя взять на звезду. Это не я решаю.

– А кто решает?

– Пан.

– Вы так называете Джи?

Зайцев задумался. До него только сейчас дошло, кого аборигенка

ригены называют Джи.

– Нет, девочка, Пан – не ваш Джи. Вы ошибаетесь. Пан – не с неба спустился, он – наше порождение, земное, это мы его создали.

– Не понимаю, – девушка сморщила личико и еще больше стала походить на оставленного щеночка.

«А кто понимает?» – подумал Зайцев. Впрочем, гладкие ножки девушки сейчас занимали его больше мыслей о судьбах человечества. Воображение, раззадоренное Жанной, уже независимо от воли рисовало всякие не пуританские картинки. «С другой стороны, кто знает, что тут считают изнасилованием? – вдруг пришло Зайцеву в голову, – Вот так переспишь, с кем не следует, а завтра смуглые ребята тебя свяжут и отнесут на пригорок – Пану на ужин...».

И тут прекрасная псоглавица встала и ушла. Только бедра ниже короткой юбки сверкнули.

«Ну разумеется, – заключил Зайцев, – Не можешь взять девушку с собой на звезду – нафиг ты нужен?» В голове еще слегка звенело от местного пойла. Он тихо засмеялся.

Глава 4

РЕТРОСПЕКТИВА

У разных людей разный порог самообладания в стрессовой ситуации. Это банальность. Но определить, кто сломается раньше, заранее удастся не всегда. Англичанин Льюис производил на Зайцева впечатление абсолютно невозмутимого человека. Тем больше Зайцев удивился, обнаружив, как этот джентльмен в считанные сутки превратился в законченного неврастеника. При том, что сам Виктор, безусловно, потрясенный до глубины души, продолжал держать себя в руках. Впоследствии Зайцев объяснил для себя это тем, что его детство и юность, когда формируются характер и мировоззрение, прошли в России в обстановке постоянной нестабильности и вечного ожидания «большого пипеца». «Пипец» случился – неприятно, но ожидаемо. В то время как для Льюиса рухнуло само мироздание. Британец полностью потерял опору под ногами, если можно так сказать про человека, болтающегося в невесомости.

Следующие три недели в обществе Льюиса оказались для Зайцева сущим адом. Тот то плакал, то причитал, то вдруг раздражался чрезмерными лучезарными надеждами, подражающими абсурдностью и беспочвенностью.

По прошествии времени уже на Земле Зайцев решил, что Льюис своим безумием спас от сумасшествия самого Зай-

цева, заставив мобилизоваться для сиюминутного спасения жизни, и отвлекая мысли от перспективы гибели неизбежной, но более отдаленной по времени. И от гибели известного ему мира заодно.

Зайцев сидел смирно, но начинал раздражаться.

Вокруг него с проводами и присосками неловко и бестолково суетился ассистент Робура по фамилии или прозвищу Маджента. Из тех, у кого на лбу написано – «никчемный».

«Надо же, – подумал Зайцев, – сколько умных и талантливых людей исчезло в ненасытной глотке Пана, а этот absolutely useless живет себе как ни в чем ни бывало». Поразмыслив, однако, Зайцев понял, что как раз тут все логично – зачем Пану есть никчемного?

Робур стоял у стены, и мрачно наблюдал за происходящим, даже пытаясь вмешаться.

– За что Вы нас так не любите, Джеймс? – спросил Зайцев.

– Объяснить? – Робур исподлобья глянул на Зайцева.

– Будьте любезны.

– Вам не понравится.

– Переживу. Я любопытен.

Робур присел на край стола и скрестил руки на груди.

– Как хотите. У вашей команды есть кое-что общее, что отличает от других людей на острове. Дьюи, Вы, Флавины, Хенсон – все вы потрясающе спокойны. У вас чисто физиологические показатели – как у людей, у которых все в пол-

ном порядке. Ни постоянных кошмаров, ни приступов страха, ни видений, ни панических атак, как у большинства находящихся на острове. Все здесь психически травмированы – особенно после ужасов первых месяцев, да и из-за дальнейших событий тоже. Почти все какое-то время жили в окружении одних присоединенных. Все видели сотни, если не тысячи смертей. Все пережили превращение друзей и знакомых в марионеток. У всех нервы разорваны в клочья. У всех – кроме вас. Вы – равнодушные монстры, абсолютно лишенные сострадания к другим людям. Видимо, это принцип, по которому Пан вас собрал.

Зайцев пожал плечами.

– А что в этом нового, Джеймс? В любой катастрофе больше шансов на выигрыш имеют невозмутимые.

– Нового ничего, – согласился Робур, – Хорошего – тоже.

Зайцев вдруг улыбнулся.

– Знаете, что забавно, Джеймс? По мнению мистера Дьюи главная причина, что нас готовят интакты, в заботе хозяина о нашем психологическом комфорте. Если это так, то, возможно, Вы существуете как самостоятельная личность исключительно благодаря нашему спокойствию. Вы считаете, это повод для неприязни?

– Нет, – с каменным лицом сказал Робур, – Это повод для ненависти. Залезайте в тренажер. Мы уже на десять минут отстаем от графика.

Зайцев опоздал на обед, и вышел на веранду, когда Дьюи и Стивенс уже сидели там. Здесь же к его удивлению оказалась и мадемуазель Флавиньи.

– Жанна, – Дьюи ласково и даже, как показалось Зайцеву, с некоторой жалостью, говорил девушке, – Ваша ошибка в том, что Вы считаете, будто у Вас есть какой-то выбор. Когда Вы поймете, что, на самом деле, выбора никакого нет, Вы немедленно успокоитесь.

– Как Вы? – сердито уточнила Жанна.

Дьюи с улыбкой кивнул.

– А если я не хочу покоя?

Дьюи покачал головой.

– Это тоже не Вы решаете.

Жанна надула губы, развернулась так, что у самого лица Зайцева промчался вихрь с легким цитрусовым ароматом. И вышла.

Дьюи хмыкнул, медленно, как бы нехотя, поднялся из кресла, небрежно кивнул и отправился за ней.

Зайцев повернулся к Стивенсу.

– Я ничего не понял. О чем это они?

– А Вы не в курсе? – бортинженер тихо хохотнул, – Некоторое время назад – еще до прибытия на остров, – Стивенс пальцами отбарабанил дробь на ручке шезлонга, – наша Жанна переспала с Паном.

Перед глазами Зайцева немедленно возникла эпическая картина Жанны, совокупающейся на солнечном песчаном

берегу с миллиардом поджарых волосатых латиносов. Он нервно потряс головой. Видение исчезло.

– Вы хотели сказать – с пином? – раздраженно уточнил он у Стивенса.

– А Вы полагаете, секс – только физиология? – бортинженер насмешливо посмотрел на Зайцева, – Тогда Вам в жизни не слишком повезло. Нет, все-таки, она переспала с Паном. И с тех пор мы с Вами для нее как мужчины не существуем. Ее проблема в том, что улетев с нами, она больше никогда с Паном не встретится. А оставшись, вряд ли останется Жанной. Вот ведь дилемма.

– Вот оно что... – протянул Зайцев, – Тогда можете ей передать, что у нее проблемы. Все возлюбленные античного Пана кончили плохо. Одна превратилась в тростник, другая – в дерево, третья – вовсе в скалу.

– Почему я ей должен это передавать? – насторожился Стивенс.

– Ну, меня-то она отшила, – объяснил Зайцев.

– Ах, вот как... Ну ничего, у Вас есть еще две попытки!

Бортинженер гыкнул и похлопал Зайцева по плечу. Зайцев скривился.

– Ну что Вы все время чем-то недовольны, Зайцев? – укорил его бортинженер.

Зайцев пожал плечами.

– По-моему, те, у кого нет никаких претензий к мирозданию, в гробу лежат. А Вас вот прямо все в нашем пребыва-

нии здесь устраивает?

– Ну, нет, конечно, – насупился Стивенс, – Вот, например, мне непонятно, почему во время командных тренировок постоянно происходит ротация командира. По-моему, это просто неправильно. Мы задолго до полета должны знать не только, какое у нас будет не только распределение профессиональных обязанностей, но и подчиненность.

– А Вы, я полагаю, рассчитываете на эту должность?

– Почему бы и нет? – бортинженер усмехнулся, – И я уверен, что в этом случае Вы, дорогой Виктор, будете мне подчиняться без возражений. Я ведь Вас давно раскусил. На самом деле, Вы, как всякий русский, уважаете власть, какой бы она ни была. Просто за то, что она – власть. А Ваше фрондерство это всего лишь попытка замаскировать Ваш кондовый конформизм хотя бы перед самим собой.

– Что, так плохо получается? – с нарочитой обескураженностью в голосе поинтересовался Зайцев.

Стивенс весело кивнул.

– А, вообще, Энтони, Вы правы, – вздохнул Зайцев, – тут много странностей для опытного человека. Самое очевидное – почему нет дублеров?

– Каких дублеров? – насторожился бортинженер.

– Ну как же! Каждому члену экипажа нужен как минимум один дублер, который должен заменить первый номер, если тот по каким-то причинам не сможет полететь – из-за болезни, например, или нервного срыва. Без дублеров выход

из строя одного человека может привести к срыву всего полета.

– Я думаю, – проворчал Стивенс, – в данном случае Пану виднее.

– Вы полагаете, что дублеры есть, но готовятся где-то в другом месте? – уточнил Зайцев.

Бортинженер промолчал.

– Еще мне кажется весьма логичным вариант, – продолжал Зайцев, – что мы и есть дублеры. А основная команда готовится где-то на континенте, скажем, в Звездном городке. По всем правилам готовится, как следует. Вместе с командой «Большого Эдема» и с уже назначенным капитаном. А здесь – не более чем склад запасных частей, и все тренировки – лишь профилактика, чтобы запчасти не испортились.

– Да идите Вы к черту, Виктор, – буркнул Стивенс, раздраженно выскочил с веранды и чуть не сшиб возвращающегося Дьюи. Проф проводил бортинженера взглядом. Обернулся к Зайцеву.

– Снова Вы задираетесь. Вот зачем?

Зайцев вытянул руку с выпрямленным указательным пальцем вслед Стивенсу.

– А он первый начал.

– Опять прославлял Пана? Так это он больше сам себя убеждает. Здесь же нет микрофонов, – сказал Дьюи, – и камер тоже.

– Откуда Вы знаете? – усомнился Зайцев.

– Я спрашивал у пина. Он мне ответил.

Зайцев озадаченно клацнул зубами.

– Так выходит, мы тут впустую красноречием блещем.?

– А Вы выступаете для Пана? – Дьюи улыбнулся, – Это такой русский способ бунта?

– В самую точку, Эдвард, – кивнул Зайцев и залпом осушил бокал сока, – У нас бла-бла-блацентричная культура. Была.

Зайцев хмыкнул.

– Хотя, по правде говоря, сейчас-то Стивенс был прав. Тут все устроено абсолютно неправильно. Поверьте единственному бывалому космонавту среди Вас. Не так все должно быть в центре подготовки космонавтов. Как будто готовят вовсе не экипаж межзвездного корабля.

– А кого?

Зайцев пожал плечами.

– Да кого угодно. Например, театральную труппу. Смотрите: Мейбл – инженерю, Жанна – субретка, я – простак, Стивенс – резонер...

Дьюи отрицательно покрутил поднятым пальцем.

– Нет, это как раз Стивенс – простак. Резонер – это я.

Старый абориген по имени Жупо нес большой лист зеркального стекла, когда услышал со стороны астронавтской столовой странные звуки. Он аккуратно прислонил лист к стенке, крадучись подошел к веранде, и осторожно загля-

нул в окно. На веранде в шезлонгах сидели двое белых в одинаковых оранжевых рубашках и штанах, и давились от хохота. Жупо неодобрительно покачал головой. Неожиданно раздался звон. Лицо Жупо приняло жалостно обиженное выражение. Он отвернулся от окна и понуро пошел к разбитому стеклу.

Глава 5

РЕТРОСПЕКТИВА. ЛЕКЦИЯ ДЬЮИ

До самого Большого Хапка Эдвард Дьюи вел в вузах Нью-Йорка несколько курсов по медицине и явно испытывал лекторский зуд. «Курс лекций» о происхождении и становлении Пана он уже читал Стивенсу и, видимо, кому-то еще. Возможность провести его для новоприбывшего профессора явно обрадовала. Тем более что Зайцев оказался благодарным слушателем. Благодаря Дьюи многие отсутствующие элементы паззла в голове Виктора встали на свое место и картина случившегося более или менее сложилась.

По словам профессора, все началось с экспериментов дока Джонсона...

Профессор Грант Джонсон на протяжении двух десятков лет занимался исследованием возможностей созданием интерфейса между мозгом и компьютером. Скандальную славу док заработал, попавшись на весьма рискованных экспериментах с людьми. Тогда его имя впервые появилось в прессе в связи с уголовным преследованием и громадными исками родственников пострадавших. Дополнительную остроту процессу придавала студенческая группа поддержки Джонсона из Калифорнийского университета, где он работал. На молодых людей профессор с гротескной внешностью и горящими глазами, прямо со скамьи подсудимых за-

жигательно вещающий о чудесах, которые ждут человечество после реализации его безумных идей, производил убийственное впечатление. Юные идиоты устраивали демонстрации под окнами суда против мракобесия и в защиту свободы научной мысли. Каким-то чудом, а, точнее, с помощью хороших адвокатов, оплаченных богатым поклонником, Джонсон смог уйти от ответственности

Процесс освещал начинающий репортер Билли Беллами. Серия статей о деле Гранта Джонсона стала для него пропуском в большую журналистику, после чего его дела стремительно пошли в гору. Несмотря на то, что само дело быстро забылось. Имя Гранта Джонсона кануло в Лету, и, возможно, никогда бы не всплыло, если бы не тот же самый Беллами.

Спустя восемь лет Беллами, уже знаменитый журналист и двукратный номинант на Пулицера, читал пространную статью о чудесном нахождении пропавшего незадолго до того компьютерного гения и мультимиллионера Ронни Гершовица. Фрик-супербогач, удачливый стартапер и сумасшедший компьютерщик после очередного триумфа в сфере разработки хитрющих и срывающих крышу интерфейсов исчез вместе с несколькими ближайшими приятелями и соратниками, такими же безумными аййтишниками. Несколько месяцев спустя дотошные журналисты нашли его в Нью-Мексико в секте «Облако Света». Гершовиц отказался давать интервью, ограничившись коротким заявлением для прессы: он и его единомышленники нашли долго разыскиваемый ими

смысл жизни в учении секты о единстве мира и человеческого разума.

Собственно, скандала, которого жаждали борзописцы, не случилось. Скрупулезное журналистское расследование показало, что все состояние Гершовица осталось при нем. Разве что несколько изменились направления его разработок. Но вопреки ожиданиям обычной истории с грабежом богатого дурачка алчными сектантами не произошло.

Билли уже почти пожалел, что, вообще, начал читать этот длинный опус, пока его взгляд не зацепился за неприметную фигуру на одной из фотографий из поселения секты, куда один из журналистов сумел проникнуть. Сначала Беллами даже не понял, чем его привлек этот диковатого вида сектант с кирпично-красной шеей. Однако через мгновение он сообразил, что это Грант Джонсон собственной персоной – ученый расстрига, некогда свихнувшийся на почве соединения компьютера и человеческого мозга. И давший толчок карьере Билли.

Беллами обратился в Калифорнийский университет, где узнал, что после процесса Джонсона восстановили в должности. Он благополучно проработал там еще полгода, но в некий момент неожиданно исчез, связавшись с университетом только через месяц и уладив все дела с прекращением контракта по электронной почте. Одновременно с ним пропала, а затем также дистанционно уволилась его тридцатилетняя лаборантка Линн Конти. Это совпадение никого

не удивило, поскольку о романтических отношениях парочки все знали и раньше.

Между тем, ничего этого не знающий, но заинтригованный Беллами отправился на Запад. Вернулся он оттуда со статьей и изрядно озадаченный.

Добравшись до Капернаума, Билли взял на прокат машину, и отправился в поселок «Облака Света». Как Беллами уже знал, поселение представляло собой небольшую крепость, обнесенную забором, в которую чужих пускали только по приглашению. Когда Билли представился на входе, он объяснил свой интерес информацией о секте, прошедшей в СМИ из-за дела Гершовица. О Джонсоне Билли решил пока не говорить. Его впустили.

Внутри периметра Беллами увидел сектантов, в основном, достаточно молодых людей обоих полов. Журналист описывал их как немного заторможенных, как будто постоянно слегка под кайфом, но при этом чрезвычайно слаженно действующих сообща. Одежнями и прическами сектанты напоминали хиппи. Большинство из них носили длинные волосы, подвязанные разноцветными тесемками. Лица мужчин украшали бороды. Одежда представляла собой просторные штаны и рубахи с незамысловатым орнаментом. Билли сразу обратил внимание, что сектанты почти не говорили между собой, однако, как будто понимая друг друга без слов.

Беллами встретился с главой секты. Им оказался довольно молодой человек по имени Свен с открытой улыб-

кой и окладистой бородой. Свен Белобородый очень долго и охотно беседовал с Билли, рассказывая о сути учения. На взгляд Беллами оно представляло собой довольно банальную и бессмысленную мешанину поп-буддизма, психоделических практик в духе Кастанеды и Лири, модернизированного христианства и бог знает чего еще. Свен пел как соловей, пока Билли не обмолвился о Джонсоне, и о желании увидеться с ним. Сначала Белобородый сделал вид, что не понимает, о чем речь. Беллами показал ему фотографию и обведенное на ней лицо. «А, понятно, – сказал Белобородый, – но чем Вам интересен Гарри? Он внутренне переродился, стал другим человеком.»

Впрочем, возражать не стал, сказав, что здесь все находится добровольно, и дело только в самом Гарри, не любящим общаться с людьми из внешнего мира. Тем не менее, Свен вызвал Джонсона по телефону.

Встреча с Джонсоном поразила Беллами. Он, и впрямь, увидел совсем другого человека. В этом спокойном просветленном мужчине не было совершенно ничего общего с нервным эксцентричным харизматиком, которого он помнил по процессу. Джонсон отнесся как к самому Билли, так и к его вопросам доброжелательно и безмятежно сообщил ему, что давно оставил свои прежние занятия и амбиции, нашел в «Единстве» покой и занимается в секте садоводством. О Гершовице высказался как об «умным мальчишке», но на вопрос о совместной работе с ним ответил отрицатель-

но, заявив, что ему это больше не интересно. «Лучше посмотрите, какие цветы у меня выросли в этом году!»

После разговора с Джонсоном Свен крайне дружелюбно и вежливо дал Билли понять, что его дальнейшее пребывание в поселке не слишком приветствуется. Мол, он бы с удовольствием оставил бы его погостить в поселке несколько дней, но это может не понравиться другим братьям и сестрам. «Им не нужно излишнее внимание и шум вокруг них – это именно то, от чего они сюда ушли. Вы же сами все понимаете, мистер Беллами...»

Билли покидал поселение со смешанными чувствами. С одной стороны, «Облако Света» выглядело как одна из обычных постхристианских сект, каких на Среднем Западе не один десяток. С другой стороны, журналистское чутье подсказывало Беллами, что он наступил на хвост какой-то очень серьезной тайны. Что все виденное им в поселке – грандиозная и продуманная до мелочей декорация, за которой скрывается что-то неожиданное и страшное. И это страшное связано с Джонсоном.

Беллами решил задержаться в Капернауме на несколько дней. Все это время он расспрашивал местных жителей о секте. Горожане относились к соседям спокойно, но без симпатии. «Нам не нравятся парни, которых мы не понимаем» – простодушно объяснил Билли хозяин местной бильярдной.

Билли спрашивал о странностях облачников. Странно-

стей местные видели много, но всерьез уцепиться оказалось не за что. Сектанты крайне мало общались с горожанами и не принимали в поселке гостей, но это вполне укладывалось в версию замкнутой общины, не занимающейся широким прозелитизмом и полагающей себя обществом избранных. Облачники подчеркнуто соблюдали все правила, не употребляли – по крайней мере, в городе – спиртного. Но и это прекрасно объяснялось строгой этикой, нередкой среди новых сект, еще не растративших исходного религиозного порыва. Сектанты не делали долгов, исправно платили по счетам, не заводили шашней с местными красотками, не ходили к проституткам. Список можно продолжать – только незачем.

Билли уже отчаялся что-то найти, когда неожиданно информация сама нашла его.

Зайцев лениво обозревал внутренности жилого модуля. Тренировки в гидробассейне и особенно летная подготовка ему нравились куда больше. Занятия на комплексном тренажере рождали в нем одновременно неприятный мандраж и скуку. Беспокойство вызывало постоянное ожидание внештатных ситуаций, каждый раз непредсказуемых. Скуку – понимание, что эти замечательные интерьеры ему придется видеть двадцать лет к ряду.

Сейчас они со Стивенсом сидели в узком коридорчике, поглядывая на тревожный экран, предвкушая, какая бредо-

вая напасть для проверки их профессионализма оттуда выскочит на этот раз. В прошлый раз случился пожар в спальном отсеке. Ожидание утомляло.

Стивенс зевнул.

– А интересно, что случилось с китайцами?

– О чем Вы, Энтони?

– Да вспомнил, что посадочный модуль строили китайцы. Куда они делись? Я тут не видел ни одного китайца. Белых, черных видел. Несколько гавайцев. А вот китайцев почему-то нет.

– Да я думаю, то же, что и с остальными, – Виктор пожал плечами.

– А я вот представляю нынешний Китай. Миллиард одинаковых людей в одинаковой одежде, живущих в одинаковых домиках, обрабатывают одинаковые рисовые поля и работают на одинаковых рабочих местах на одинаковых швейных фабриках.

– Так у них и раньше так было, – сказал Зайцев, – Они, наверно, и не заметили ничего.

Из-за поворота в тяжелых магнитных ботинках прошлепал Дьюи.

– Система регенерации воздуха накрылась. И еще отказала тревожная сигнализация там же. Вся. Потому и предупреждения не слышали.

– Что, с самым деле, отказала? – удивился Зайцев.

– Да нет, – Стивенс досадливо махнул рукой, – Это прак-

тически невозможно. Там несколько дублирующих систем. Очередная проверка.

– Жанна оказалась рядом. Разбирается, – добавил Дьюи.

Зайцев неспешно встал, взял ранец и направился в сторону, откуда появился Дьюи.

– Виктор, позвольте мне! – восторженно воскликнул Стивенс.

– Но сегодня по вводной моя очередь, – удивился Зайцев.

– Ничего, – Стивенс махнул рукой, – еще успеете.

Зайцев пожал плечами, сел. Стивенс выбежал из модуля.

Зайцев обернулся к Дьюи.

– Странно такое от нашего аккуратиста слышать, – Зайцев кивнул в сторону, куда убежал Стивенс.

Дьюи мягко улыбнулся.

– Вы меня удивляете, Виктор. По-моему, симпатию Энтони к Жанне уже давно не замечает только слепоглохой.

– Не понимаю, – сказал Зайцев, – Стивенс же знает, что Жанна в некотором смысле женщина Пана. При его пиетете к нашему божеству, секс с Жанной должен быть для него закрытой темой.

Дьюи глянул на Зайцева с веселым удивлением.

– Да Вы, оказывается, ни черта не понимаете в таких делах! Вожделение к женщине господина – это же классика! Желать жену хозяина значит чуть-чуть сравняться с ним, дотянуться до его уровня. Это желание сильнее не только уважения к старшему, но и инстинкта самосохранения.

Зайцев хмыкнул.

– Да, Эдвард, Вы правы. Просто не очень укладывается в голове, что у людей еще случаются нормальные человеческие чувства. Теперь, когда весь мир сошел с ума.

Дьюи скривился.

– Не люблю такие выражения. Я, хоть и не спец именно в психиатрии, но все же из смежной области. Весь мир сойти с ума не может. То есть, в принципе, теоретически может, но только если все мозги повредить механически или химически. Термически, наконец. А воздействие Пана не относится ни к одному из упомянутых не относится.

– То есть, Вы хотите сказать, что Пан – с точки зрения психиатрии нормальное состояние для человечества?

Дьюи, хмыкнув, уверенно кивнул.

– С точки зрения общепринятой на момент Хапка концепции – да.

Зайцев яростно покрутил головой.

– Но Вы же сами рассказывали эти истории о кровавых оргиях, десятках тонущих пловцов, перестрелках пинов между собой. Разве это не признаки сумасшествия?

Дьюи вздохнул.

– Представьте двухлетнего ребенка, увеличенного в десятки раз. Он будет так же разбирать машинки и отрывать пупсам головы. Только машины будут настоящие, а пупсами живые люди. Но это не значит, что он станет более жестоким или безумным.

Он помолчал.

– Но, все же, должен согласиться. В первые дни у Пана явно началось определенное, ээээ....

– Головокружение от успехов, – подсказал Зайцев.

– Да, именно так! Кстати, хорошо сказано. Это цитата?...

Глава 6

РЕТРОСПЕКТИВА. ЛЕКЦИЯ ДЬЮИ

Однажды в номер Беллами в том, что в Капернауме называлось отелем, постучался молодой человек неприметной наружности, и поинтересовался, здесь ли живет газетчик с побережья, который интересуется «Облаком Света». Получив утвердительный ответ, парень показал Беллами жетон помощника шерифа и попросил разрешения зайти. «Я могу Вам кое-что рассказать», – сказал молодой человек.

Помощник шерифа сообщил Беллами о странной истории, случившейся в городе около года назад. Харви, так звали рассказчика, тогда только-только получил пост. Как новичок, Харви поначалу проявлял рвение больше необходимого и часто допоздна засиживался на работе. Так случилось и тем вечером, когда в дверь уже закрытого офиса шерифа кто-то громко забарабанил. Встревоженный Харви открыл и увидел на пороге местного пьянчужку Джонни Пузыря. Сначала Харви решил, что Джонни просто спьяну ломится, и пригрозил посадить его в обезьянник, когда Джонни указал на прислоненного к стене мужчину. Харви взгляделся и узнал в неподвижно сидящем рыжебородого сектанта по имени Лео.

Брат Леонард регулярно приезжал в город за покупками по четвергам. Его привычно ждали в одних и тех же лавках,

где он брал разную мелочь. Проблем с ним у помощника шерифа, как, впрочем, и с другими сектантами не водилось. Встречая Лео на улице, Харви приподнимал шляпу. Лео дружелюбно кивал в ответ. К этому их общение и сводилось.

Джонни рассказал Харви, что случилось.

В этот день у Пузыря не заладилось с пьянкой. Праздников ни у кого из жителей Капернауа не намечалось, деньги кончились, а в долг Джонни не давали уже давно. Злой и измученный похмельем Пузырь допоздна бродил по закоулкам, пока не наткнулся на машину с сидящим в ней Лео. Джонни радостно поприветствовал сектанта в безумной надежде выманить у того пару долларов. Лео не отвечал. Пузырь попробовал еще два или три раза. Лео его упорно игнорировал, глядя вперед и ухмыляясь. Раздраженный Джонни схватил Лео за плечо и встряхнул. И тут облачник через открытую дверцу машины выпал прямо на дорогу.

Когда испуганный дебошир попытался его поднять, сектант, продолжая улыбаться и моргать широко раскрытыми глазами, начал мелко подергиваться руками и ногами. Попытки привести беднягу в чувство ни к чему не привели. На взгляд богатого опытом Пузыря состояние Лео не напоминало ничего похожего на опьянение или на приход от дурри.

Окон в переулке не было, и Джонни мог уйти безо всяких последствий. Однако, у пропавшего Пузыря кроме застарелого алкоголизма еще имелась добрая душа, он не мог бросить

человека, явно попавшего в беду. И Джонни не имел возможности позвонить по телефону, который у него давно отключили за неуплату. В результате Пузырь затащил Лео в машину, сам в нее сел, и оттранспортировал тело в офис шерифа.

Харви и Джонни затащили сектанта в офис и посадили в кресло, где помощник шерифа смог его рассмотреть получше. Лео производил очень странное впечатление. Он прямо держал голову и периодически раздвигал губы, обрамленные густой бородой и усами, в дружелюбной улыбке. Несмотря на то, что Лео казался бодрствующим и в сознании, обращенных к нему слов он не понимал. Глаза облачника реагировали на свет, и поворачивались за движущимися предметами. При этом конечности сектанта определенно его не слушались. Когда Харви взял Лео за руку, сильная ладонь рефлекторно сжалась, и помощник шерифа с трудом освободился от мертвой хватки.

Харви вызвал доктора Гудмана. По мере осмотра сектанта Гудман все больше цокал языком и крутил головой, и постепенно растерял всю свою обычную самоуверенность. Док несколько раз расспросил Джонни и Харви обо всем, что они знали по этому делу. Через час Гудман окончательно вышел из себя. Он накричал на обоих, под конец своей возмущенной речи признавшись, что ни черта не понимает. Потом он еще раз осмотрел Лео, и обратил внимание Харви и Джонни на непонятный бугор под ухом облачника. Когда док аккуратно нажал на бугорок, Лео быстро задергался, так что

Гудман поспешно отдернул руку.

Внезапно в офис постучали. Когда Харви открыл, на пороге стояли двое встревоженных сектантов, спросивших у Харви, не сообщали ли ему о Лео. Зайдя в офис, и увидев Леонарда, сектанты немедленно сообщили, что забирают его в поселок. Никаких вопросов по поводу странного состояния собрата они ни задавали, как будто оно для них не представляло какой-то неожиданности.

Слабую попытку дока Гудмана возразить со ссылкой на необходимость обследования и лечения Лео, сектанты решительно парировали заявлением, что в «Облаке света» есть все, что нужно, и они сами разберутся.

Судя по всему, доку самому не улыбалось разбираться с этим случаем, явно выходящим за пределы его профессиональной компетенции. Так что от дальнейших возражений он воздержался.

В случае с Харви ситуация осложнялась тем, что шериф как раз в это время уехал по делам в окружной центра и в данный момент его телефон не отвечал. И молодой человек просто пустил дело на самотек, безропотно отдав сектанта собратьям, только записав их данные.

Через несколько дней, когда шериф Логан вернулся, Харви подробно рассказал ему о странном случае. Реакция Логана его поразила. Обычно очень спокойный и рассудительный босс довольно резко велел помощнику помалкивать об этом деле – даже в разговорах с родителями и невестой. «Не на-

шего это ума дело, парень» – сказал Логан.

Харви, относящийся к старику шерифу с огромным пиететом, так и сделал. Лео в Капернауме больше не появлялся. Старый Логан через полгода скоропостижно умер от инсульта, а новый шериф еще имел мало опыта, так что объем работы у Харви резко увеличился. Док Гудман уехал из городка. Так что кроме редких встреч с Пузырем о том странном случае помощнику шерифа ничего не напоминало.

Харви уже почти забыл про эту историю, когда Пузыря обнаружили насмерть захлебнувшимся блевотиной на скамейке в городском сквере. Коронеру понадобилась медицинская карта Джонни, но в местной больнице ее не нашли. Харви позвонил доктору Гудману, но ему ответили, что док уже три месяца как погиб в автокатастрофе. И Харви вдруг понял, что из участников загадочного происшествия кроме сектантов остался он один. И даже это не вызвало у него ничего, кроме смутного беспокойства, пока встретив на улице сектанта, он не разглядел у него под ухом тщательно прикрытый волосами бугор, очень похожий на аналогичный у Лео...

Харви и сам толком не мог объяснить, почему он решил об этом рассказать Беллами. За свою жизнь он почему-то не слишком опасался, но присутствие в истории со странной прострацией Лео какой-то темной тайны его как полицейского сильно беспокоило. Смерть сразу троих человек, посвященных в обстоятельства, не нравилась ему еще больше.

«Я так понял, – сказал Харви Билли, – Вы интересуетесь

сектой. Я слышал, что у Вас возможности побольше наших. Так Вы уж разберитесь, что они там в своем „Облаке“ мутят. Недоброе у них там что-то, я чувствую.»

Вернувшись из Капернаума в Калифорнию, Беллами продолжил расследование. В частности, он решил ознакомиться с лабораторией Джонсона. И тут он узнал, что оборудование лаборатории спустя полгода после исчезновения доктора Джонсона за ненадобностью единым комплексом продано некоей фирме, зарегистрированной в Южной Дакоте.

О своем расследовании Беллами написал большую статью, которая и попала в руки Дьюи. В конце статьи Беллами очень аккуратно делился своими догадками и обещал продолжить раскручивание темных делишек «Облака света».

Через месяц случился Большой Хапок.

– То есть, – спросил Зайцев, – Вы уверены, что Джонсон и его секта – это и есть прото-Пан?

Дьюи кивнул.

– Все же не совсем понимаю – откуда у Вас такая уверенность?

Дьюи усмехнулся.

– Я знаю, что Вы неподдельно любознательны, Виктор. Мне это очень импонирует. Но странно, что Вы не используете в качестве источника информации о нашем новом мире самый простой и очевидный, – Дьюи поднял палец, – самого Пана.

– Простите, проф. Не знаю, как у Вас обстоят дела, но на мои вопросы Пан отвечает, дай бог, если в одном случае из десяти.

– Так в чем проблема, Виктор, – Дьюи развел руками, – Задайте сто вопросов – получите ответ на десять!

– То есть, Вы о своих догадках рассказали самому Пану?

– Конечно! – улыбнулся профессор.

– И как он отреагировал?

Дьюи сделал многозначительную паузу и отпил пару глотков из бокала с соком. Подмигнул Зайцеву.

– Он назначил меня врачом на «Эдем-1».

РЕТРОСПЕКТИВА. ЛЕКЦИЯ ДЬЮИ

Дьюи считал, что благодаря Беллами начало новой эры в истории человечества можно достаточно точно локализовать – оно примерно совпадает с моментом исчезновения Джонсона спустя полгода.

После снятия обвинений с Джонсона университетские власти вынужденно вернули ему руководство лабораторией и, как следствие, доступ ко всему оборудованию и материалам. Но продлевать контракт с оскандалившимся ученым определенно не собирались. Между тем до конца его действия оставалось чуть больше года.

Канву дальнейших событий Дьюи восстанавливал примерно так. Джонсон ясно осознавал, что нового назначения такого уровня ему уже не видать нигде и никогда. Его как фа-

натика идеи не столько пугал крах научной карьеры, сколько утрата наработок и возможности продолжать исследования. Это и заставило его форсировать события и вопреки всем правилам пойти на опаснейший эксперимент по созданию искусственной телепатии. Джонсон понимал, что разрешения на его проведение без многолетних предварительных экспериментов на животных университет не даст. Поэтому Джонсон провел его в строжайшей тайне. Из тех же соображений, во избежание утечки информации, поставил его Джонсон на самом себе и преданной ему Конти. Он вживил в голову себе и Линн специальный интерфейс. И в один прекрасный день – вернее, ночь – в лабораторию Джонсона вошли двое человек. А вот то, что оттуда вышло, людьми уже не было.

Рассчитывал ли Джонсон на такой результат? Скорее всего, нет. Его бегство как раз показывает, что ученый не на шутку растерялся и испугался происходящему. Он еще не научился жить сразу в двух телах, и боялся, что окружающие непременно заметят неладное. С катастрофическими последствиями для него.

Где двутелый Джонсон провел следующие годы? Как паника и недоумение от невероятного результата эксперимента сменились в нем восторгом от открывающихся возможностей и холодной решимостью? Как он нашел деньги на выкуп старого оборудования, покупку нового и дальнейшие эксперименты? Бог знает.

Определенно, спустя восемь лет после начала эры объединенного человечества его пророк обнаруживается в своей Медине – поселении на месте заброшенного шахтерского поселка недалеко от сонного Капернаума. И теперь это уже монстр о двух сотнях головах, владеющий серьезными финансовыми активами и компетенциями в самых разных областях знаний.

Фантазия Зайцева непроизвольно рисовала картинки жуткого замка с подземельем, куда чудовище, притворяясь то обаятельным молодым человеком, то соблазнительной доступной девицей, заманивает жертв и там набрасывается на них, в последний момент принимая свой истинный облик – бледного до потолочной белизны красногубого зубастого вампира в черном плаще с пурпурным подбоем. Почему-то в роли упыря в этих фантазиях неизменно фигурировал Джонни Депп.

В своих первых присоединениях Джонсон расчетливо сочетал осторожность и разборчивость. Когда Беллами начал разбираться с членами секты индивидуально, те оказались за редкими исключениями довольно молодыми одинокими людьми, не имеющими или очень давно не поддерживающими отношения с родственниками. Большая часть официально женатых членов «Облака света» вступила в брак уже в ней. Вероятно, во избежание слухов о практикуемом в секте промискуитете.

При этом критерии Джонсона молодостью и одиноче-

ством присоединяемых не ограничивались. Беллами также заметил, что среди них оказалось много людей с высшим образованием – врачей, юристов, финансистов, компьютерщиков, агрономов и строителей.

Начальный этап роста прото-Пана в этом смысле напоминал кропотливый сбор художником мозаики из разноцветных кусочков смальты. Кусочек к кусочку, оттенок к оттенку, с перебором и отбрасыванием горы негодного материала.

Крайне удачным Дьюи, как, впрочем, и Зайцеву со Стивенсом, казалась мимикрия прото-Пана под замкнутую сектантскую общину. Этого добра на Среднем Западе оставалось пруд пруди. У окружающих они вызывали настороженность и даже неприязнь, но не производили впечатления чего-то необычного.

– Даже Беллами, подобравшийся к истине ближе всего, не смог выйти за рамки стандартного мышления, – торжественно резюмировал Дьюи, – Он увидел в «Облаке Света» всего лишь тоталитарную секту, занимающуюся тайными исследованиями по контролю над человеческим сознанием. Хотя у него хватало информации, чтобы сделать правильные выводы. Впрочем, – заметил профессор, – надо признать, что Беллами не один такой. Это можно сказать обо всех, кто прочитал его статьи. Почти обо всех, – улыбнувшись, уточнил Дьюи.

Сверх-Джонсон максимально замаскировался в своем убежище среди пустыни, но он прекрасно понимал, что

до бесконечности так продолжаться не может. Лелеял ли он мечты о мировом господстве с самого начала или эти мысли пришли ему в многочисленные головы позднее – по большому счету неважно. По сути, у него не было выбора. Ранно или поздно человечество разоблачило бы пришельца, и вряд ли смирилось с таким соседством. Остаться должен кто-то один. Прото-Пан имел преимущество внезапности, и он им воспользовался.

– Мне вот что непонятно, – задумчиво сказал Зайцев, – Как он ухитрился все это провернуть, не привлекая внимания спецслужб?

– А с чего Вы взяли, что он не привлёк их внимания? – спросил Дьюи.

Зайцев изумленно уставился на него.

– Но тогда как они допустили Большой Хапок!

Дьюи рассмеялся. Потом посерьезнел.

– Виктор, Вы никогда не слышали историй, как питбуль сожрал вырастившего его хозяина?

Глава 7

Зайцев оглядел берег. Очертания валунов и границы воды и песка неспешно и приятно расплывались, краски блекли. Начинались короткие южные сумерки после не слишком утомительного дня – сегодня расписание ограничивалось кабинетными занятиями по астрономии, геофизике и астронавигации. Зайцев сидел на своем любимом камне, создающем иллюзию уединения, и держал в руках гитару.

Инструмент ему достался как приложение к сиреневому домику, где Зайцев провел несколько больше времени, чем хотел. Гитара оказалось единственной компенсацией за бесцельно прожитые годы.

Зайцев крепко обхватил ладонью гриф и сыграл первые аккорды «Скажите, девушки, подружке вашей».

– Добрый вечер! Проповедуете камням?

Зайцев, не переставая играть, пожал плечами. Неслышно подошедший улыбающийся Стивенс присел перед ним на корточки. Зайцев подумал, как глупо эта сцена выглядит со стороны – как будто бортинженер собирается дать ему конфетку и погладить по голове.

– Вы сегодня не пошли на веранду. Почему?

Зайцев вздохнул и заиграл «Вернись в Сорренто».

– При всей регулярности наших посиделок для меня главная их прелесть, что на них можно не ходить. Отчего Вас так

беспокоит нормальное желание человека уединиться?

Стивенс развел руками.

– Но нам придется провести в небольшом замкнутом пространстве несколько десятков лет! Если Вы так тяготитесь нашим обществом, что же будет в космосе?

Зайцев перешел на «Не уходи, побудь со мною».

– Знаете, Энтони, я за свою жизнь выяснил, что могу без проблем приспособиться и даже привыкнуть к самым неприятным обстоятельствам. Но я не испытываю никакого желания эти обстоятельства приближать без всякой надобности.

– Вы хотите, сказать, мое общество Вам неприятно?

«Мама, он меня сукой назвал!» – подумал Зайцев.

– Да? – сказал он, – Я прослушал, что Вы сказали.

– Ничего, Виктор, – грустно ответил Стивенс, – Не буду Вам мешать.

Зайцев заиграл и тихонько запел:

«Набегают волны синие, зеленые – нет, синие,
Как хамелеонов миллионы, цвет меняя на ходу».

– О чем эта песня?

Зайцев вздрогнул, обернулся, впрочем, не прекращая играть. За спиной стояла Мейбл. «Как это она так подкралась?»

– О необязательности на Земле каждого конкретного индивида.

Мейбл присела рядом с ним.

– Да, Виктор..., – голос Мейбл как обычно напоминал

Зайцеву то ли о болезни, то ли о посткоитальной слабости, – Я заметила, что Вы не такой как Энтони или Дьюи.

«Одного – по имени, другого – по фамилии. Любопытно.» – подумал Зайцев.

– Я вот тут много думала, как Вас с Кристофером Льюисом забыли на станции. Наверно, это очень страшно – вот так оказаться в космосе, покинутыми всеми. И смотреть, как надежды на возвращение все призрачней.

– Я думаю, Мейбл, – сказал Зайцев, перебирая струны, – оставшимся на Земле пришлось не намного веселее.

Мейбл согласно вздохнула и подселла ближе.

– Вы так много пережили с Китом Льюисом. Наверно, скучаете по нему?

Зайцев задумчиво улыбнулся.

– Знаете, Мейбл. Некоторые люди навсегда остаются с нами. Живы они или нет. Льюис – часть меня.

– Часть Вас? – Мейбл побледнела.

– Разумеется, не в том смысле, в каком сейчас миллиарды людей – часть Пана, – поспешно добавил Зайцев.

Мейбл встала.

– Я пойду, пожалуй. Спасибо за интересную беседу.

«С ней разговаривать – как по минному полю ходить» – подумал Зайцев, глядя на удаляющуюся фигуру женщины, – «Однако, она на меня запала». Он только не знал пока, хорошо это или плохо. «Подумаю об этом позже».

Из-за бугра показался человек. Через некоторое время

Зайцев понял, что это Маджента. Ассистент Робура шел к нему.

«Что-то день сегодня как-то не задался» – с досадой подумал Зайцев.

– День добрый, прекрасно играете.

– Благодарю Вас.

Зайцев знал, что играет хреново. И знал, что это понятно любому идиоту.

– Мистер Зайцев, – сказал Маджента, присев рядом, и оглядываясь, – У меня к Вам дело чрезвычайной важности.

Зайцев неопределенно пожал плечами.

– Вы знаете, – продолжил Маджента, не дожидаясь реакции, – Земля захвачена инопланетянами, – Зайцев мысленно обхватил голову руками, – Ваш полет – последняя надежда возродить свободное человечество. Но ему угрожает опасность. В экипаже есть агент инопланетян. Или просто инопланетянин – я точно не знаю. Я долго наблюдал за всей командой и вычислил его. Это профессор Дьюи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.